

10 февраля 2023 года в Москве, в Центральном Доме литераторов, состоялся XVI съезд Союза писателей России.

В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ было два могучих, мощных направления. Тогда они назывались "городская проза" и "деревенская проза". Кумиром городской прозы был Трифонов. Кумирами деревенской прозы были Распутин, Белов, Астафьев. Два этих великих направления рассматривали роль государства в судьбах народов, в судьбах культуры, в судьбах поколений. Трифонианцы — городская проза — винили государство за избиение

И оба эти направления исчезли вместе с исчезновением советского государства. Исчезла ось координат, относительно которой они существовали и враждовали, создавали в нашей культуре, литературе важнейшее, интереснейшее, интенсивнейшее напряжение, за счёт которого и плодотворит всякая живая культура: она живёт полюсами, живёт столкновениями, и в этих столкновениях обретает себя.

А что же теперь? Я присматриваюсь к современному литературному процессу и ищу, есть ли в нём направления, есть ли тенденции, есть ли крупные литературные группировки, в которых зреют новые философские концепции, новые культурные модели. И пока

новые мученики. Новые ясновидцы. Появляются новые предатели, изменники. Появляются новые скопидомы. Новые таинственные маги и волшебники. Идёт строительство новой типологии человечества. Возникают новые ситуации, в которых все эти новые типы участвуют.

Время перемен поистине драгоценно для художника. Всё остановившееся, всё зашифрованное, покрытое чехлами стабильности вдруг лопается. Чехлы распадаются, и вся реальная общественная требуха вываливается на поверхность. Хватай её, пиши, находишься в гуще всего этого. Ну и, конечно, погибай при этом. Если ты заглянешь в жерло пушки, которая со-

сительна. Она из мёртвых поднимает целые исторические эпохи. И это огромная возможность для сегодняшнего русского литературного процесса.

Есть вторая удивительная задача, удивительная миссия литературы. Мы видим, как угасает язык. С исчезновением традиционной русской деревни исчез восхитительный русский язык, который питал и русскую дворянскую литературу, и мецканскую, и разночинную. Исчез народ-языкотворец, живший в деревнях.

Пришёл язык журналистики — язык гуттаперчевый, целлулоидный, с огромным количеством англизмов, с ничтожным количеством образов, с быстрым переходом от подлежащего к сказуемому... Это бедный язык, мобильный язык, на котором можно выписать рецепт слабительного или снотворного. А где вещей русский язык? Кто его сохранит? Кто бережёт? Что нас ждёт впереди: волшебное слово или глухая бессловесность?

Есть язык — есть народ. Убывание языка — убывание народа. И может быть, всё то, что мы сейчас чувствуем как наше убывание, наше уменьшение, наше ослабление, связано с уменьшением и убыванием нашего языка. Мне кажется, писатель является спасителем языка. Язык, уходя и исчезая из деревень, из светёлки, из дворянских салонов, прячется в книге, прячется в литературе. И миссия писателя, который является сберегателем языка, языктворцем, восхитителем. Писатель — это весталка, которая не даёт погаснуть лампадам русского языка и русского словотворчества.

Мы, здесь сидящие, узнали много интересного о жизни Союза писателей. О том, сколько среди нас поэтов и прозаиков, пожилых и молодых. Но мы не узнали, сколько среди нас будущих мучеников, будущих подвижников, будущих беглецов и скрытников. Но они есть среди нас. И это присутствие изумительно.

Чудесно быть писателем, особенно если ты распят на кресте. И как изумительно быть молодым писателем, наполненным любовью, чаяниями, восхищениями, писателем, который ждёт от будущего только венка из роз, а не тернового венца. С Богом!

Александр ПРОХАНОВ

КАРПЕЦ

В битве за историю

Государства, которые мы до сих пор привычно считаем разными и называем именами Римской и Византийской империй, с правовой точки зрения до последних дней своего существования являлись одним и тем же государством, причём с республиканской, а вовсе не монархической формой правления: Res publica Populi Romani, чей смысл каждого из этих слов и самого определения в целом за два с лишним тысячелетия бытия данной человеческой общности изменился до неузнаваемости. Но сама идея Москвы и всей России как Третьего Рима, то есть наследницы и преемницы Древнего Рима и средневекового Константинополя, стала "сокровищем сердца" такого нашего автора, как Владимир Игоревич Карпец (12 декабря 1954 — 27 января 2017), любимой и мучительной тайной, которую он, похоже, всю жизнь стремился раскрыть, а раскрыл, воплотить в жизнь. Почему так — Бог весть, "Дух, идеже хошет, дышит".

Возможно, здесь важен тот момент, что родился и вырос он в весёлой "номенклатурной", как тогда говорили, семье (шутка ли, Игорь Иванович Карпец был генерал-лейтенантом милиции и начальником Главного управления уголовного розыска МВД СССР). Поэтому то, что Владимир Карпец пошёл по отцовской стезе, получил блестящее образование (юрфак МГИМО) и стал кандидатом юридических наук (диссертацию защитил в возрасте 27 лет), не удивляет. Не удивляет и то, что карьера, академическая или государственная, его не привлекала — впрочем, как и многих его сверстников из позднесоветской "золотой" молодёжи...

В 1970-е—1980-е годы очень многие из того круга уходили в "неформалы" — хиппи, эзотерики, рокеры и так далее, лишь бы за пределы весьма строго очерченного жизненного стандарта. Порой надолго или даже навсегда, безвозвратно. У Владимира Карпца эта социальная "неконгруэнтность" в какие-то крайние, "за красными флажками", моменты не выплывала, оставаясь в пределах допустимого хобби и лёгкой фронтды, — например, "тихой охоты" за грибами, увлечения литературным творчеством, прежде всего поэтическим, и сопутствующим этому творчеству общением.

Но в итоге получилось так, что главным наследием Владимира Игоревича стала не юриспруденция (хотя он был соавтором нескольких серьёзных работ по данной дисциплине и преподавал её в ряде столичных вузов), не поэзия и художественная литература, не кинематография, которой он тоже отдал солидную дань и как сценарист, и как режиссёр, а... история религий и цивилизаций.

Если попытаться выделить некий "сухой остаток" из весьма обширного (включая колонку "Битва за историю"), которую он несколько лет вёл в газете "Завтра") наследия Карпца — собственно, и позволяющей отнестись его к числу "Наших светочей", то это, прежде всего, дополнение и развитие "гумилёвско-кожиновской" концепции многовекового конфликта между Западом и Россией, католицизмом и православием, идущего ещё со времён Великого раскола христианства в XI веке, то есть уже почти тысячу лет, а если считать от Августина Блаженного, то и лет на 650 больше...

Причём важнейшую роль здесь сыграли как внутренняя религиозность Владимира Карпца (чего не было ни у Льва Гумилёва, ни у Вадима Кожинова), так и школа юридического образования, позволявшая ему абстрагироваться от современных трактовок тех или иных событий, максимально вживаясь в, казалось бы, давно ушедшее прошлое, и тем самым — здесь уже включался и художественный талант автора — "оживлять" это прошлое для современности. Книги Карпца "Русь, которая правила миром, или Русь Меровеева" (2005), а также "Русь Меровингов и корень Рюрика" (2006) как раз и были созданы как уникальные сплавы собственно истории, юридической науки и поэтического вымысла. Точнее всего будет назвать этот сплав относящимся к сфере мифологии, даже мифологем — этих своеобразных "фрагментов-измыслов", в превращённом виде отражающих свойственную данной общности систему ценностей.

Своими работами Владимир Карпец целенаправленно (и безо всяких "новых хронологий") бил по основополагающей, фундаментальной западной мифологеме, согласно которой исключительно западная, европейская, католическая по истокам своим цивилизация выступает единственно полноценной и полноправной наследницей Древней Греции и Древнего Рима, а история Древней Руси начинается только со второй половины IX века, с "привязания варягов", а потому не имеет и не может иметь никакой части в предыдущей истории человечества, к тому же "отставая" в ходе своего развития от его "переводной", "прогрессивной" части на несколько веков.

Карпец, изучая обширный массив данных о династии Меровингов и пришедшей ей на смену династии Каролингов, делает вывод о том, что эта общепринятая и общепризнанная концепция очень далека от истины, во всяком случае — гораздо дальше, чем слова митрополита Киевского Илариона из "Слова о Законе и Благодати" (вторая треть XI века): "Не в худой же и неизвестной земле владычествовали, но в Русской, которая ведома и слышима всеми четырьмя сторонами мира". А ведь такая ведомость и слышимость — дело не одного года и не одного десятилетия — веков! Владимир Карпец сделал историю России более ведомой и слышимой.

Не потому ли сейчас, в дни Специальной военной операции, с новой значимостью и актуальностью звучат слова Владимира Карпца: "С православной точки зрения война есть преобразование ярости, подобно тому как супружество есть преобразование вожделения. На иноческом уровне это бесособорчество и стяжание Духа Святого. А в миру:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идёт война народная,
Священная война!"

Владимир ВИННИКОВ

СЛОВО И БЕССЛОВЕСНОСТЬ

Обращение к съезду писателей

ленинской гвардии, за подавление того раннего революционного пыла, процесса, который воспламенил Гражданскую войну и, казалось бы, захватил всё русское будущее. Этот процесс был подавлен, многие были истреблены. Сталин покончил с этой стихией и создал новое государство.

Деревенская проза мучительно переживала конец русской деревни, а вместе с ним и русского уклада — ущемление и подавление русского сознания, русского мироощущения, русского чувства, русской семьи, русского говора. Деревенская проза тоже винила государство, которое своей жестокой коллективизацией, поборам, давлением на крестьян разорло деревню.

Эти два направления пестовались государством, среди них были лауреаты, орденосносцы, их пригласали в Кремль. Тем не менее, они невяно, тайно, глубоко предьявляли укоризну государству.

их не нахожу. Может быть, потому, что я недостаточно зрячий, недостаточно ясно видящий.

Но они непременно появятся. А какая ось координат возникнет для того, чтобы вокруг неё всплели, взорвались, зашумели эти две извечные русские тенденции — левое и правое, земное и небесное? Сегодня наше государство, оказавшись неподготовленным к украинской войне, столкнувшись с огромным количеством трудностей — внешних, внутренних, военных — стремительно перестраивается. Эта перестройка происходит где-то планово, а где-то спорадически. Она мучительна. Государство меняет кожу. Уходят одни элиты, появляются другие. Меняются репутации: одни рушатся, другие возникают.

В этой схватке ломаются конструкции, упорно возводимые после 1991 года. И эти балки, двутавры, перекрытия падают нам на головы. Появляются новые персонажи, новые герои. Старые уходят. Появляются

бирается выстрелить, готовясь к тому, что она оторвёт тебе голову.

Это удивительная возможность для сегодняшнего литературного процесса, для сегодняшнего художника. И не просто возможность, а вменённое глубинное свойство и обязанность художника — зафиксировать этот процесс. Эта возможность является неповторимой. Особенно для молодого поколения.

Конечно, время не исчезает бесследно. Его фиксируют в декларациях съездов, крупных конгрессов. Его фиксирует журналистика, фиксируют постановления и указы. Но по-настоящему время фиксирует только литература. У Бунина в "Жизни Арсеньева" есть эпиграф. Он взят из русской летописи, из русского сказания: "Веши и дела, аще не написаны бывают, тьмою покрываются и гробу беспамятства предаются, написания же яко одушевления..." Литература не даёт исчезнуть времени. Она не даёт пропасть истории. Она воскре-

В Сербии прошёл XVI Международный фестиваль кино и музыки "Кустендорф". Основатель фестиваля режиссёр Эмир Кустурица выступил с речью о роли искусства в современном мире.

ЧТО ТАКОЕ ИСКУССТВО?

Говорит Эмир КУСТУРИЦА

"Хоть я и не люблю быть слишком оригинальным, но следует сказать, что искусство — это зеркало человеческого духа, воплощённое в том или ином материале, в теле актёра и танцора, оно имеет свойство перенаправлять нас из реальности на путь трансценденции. Оно заставляет волноваться, переживать катарсис, согревает душу благодаря произведению, созданному не Богом или природой, а человеком, вдохновлённым Богом или природой, натурой самого человека.

Почему этот фестиваль устроен вблизи реки Дрины, куда во время османского владычества прибывали визири, а позже и австро-венгерские офицеры, обычно в качестве наказания за совершение серьёзного преступления или хищения денег в своих странах? Им не терпелось выскопнуть из тумана Дринского меридиана. Первые мечтатели о солнечных берегах Мраморного моря, о выпивке и калянье, чтобы лениво лежать на солнце, вторые с нетерпением ждали возвращения в Вену в стиле рококо, чтобы снова танцевать под музыку Штрауса.

Больше нет и кинозвёзд: теперь фотографии Гейтса, Безоса, Маска, Цукерберга и других миллиардеров встречаются на порядок чаще. Богатые устали смотреть на чужие фотографии. Мой друг Джонни Депп вышел невиновным из суда с Эмбер, и если бы этого не произошло, его бы тоже постигла участь современных голливудских "святых", которые там замещали святого Николая, святого Иоанна...

КАК ПОЛУЧИЛОСЬ, что искусство потеряло своё почётное место в обществе? С таким же успехом можно спрашивать, почему драматическое искусство не процветало в Древнем Риме. Весь мир превратился в Колизей, произведения искусства доходят до нас частями, фрагментами, тысячи разного рода платформ превращают эстетику в идеологию. Кинотеатры умирают, потому что фильмы переместились в телефоны, в Netflix, Amazon. И тысячи других платформ посылают свои сигналы людям, говоря, что их политическая вера — это их судьба, и ни в коем случае — свобода, о которой сегодня, кстати, даже не упоминается. Когда кто-нибудь осмеливается вернуть эту тему в повестку дня, тут же появляется "авторитетный" толкователь жизненных реалий, который "авторитетно" утверждает, что самое главное для всех нас — безопасность, а не свобода.

Так что же в действительности защищён? Это та часть человечества, которая читает книги, потому что это не требует больших затрат, а потому успешно избегает рынка и превращения морали и эстетики в идеологию.

Есть ли искусство, которое может спасти мир? Достоевский задавался этим вопросом, ставя красоту на первый план. Когда мы говорим о Достоевском, мы должны упомянуть о дехристианизации Запада. И нельзя забывать, что христианство — это не набор отвлечённых целей, идей и взглядов на мир, а конкретность Бога, воплотившегося в человеческом теле, который не даёт нам описания нашей жизни, но Он и есть эта жизнь. И человек и его путь существуют во времени как целостность, ибо человек есть не только материальное существо, не только духовное существо. Человек есть и дух, и тело. Достоевский, таким образом, предлагал видение человека как более совершенного, чем человек, которого общество позже объявит потребителем.

И тлеет надежда, что искусство, как верный спутник человеческого духа, выживет в бунте молодёжи и в поисках утраченной свободы. Потому что многие осознают, что быть потребителем — это не идеал личной свободы.

Для религиозных мыслителей актуальна идея о том, что если нет Бога — нет ни искусства, ни свободы, ибо религиозные чувства являются сестринской связью между этими понятиями.

Разделение добра и зла, и особенно борьба со злом, могут сохранить искусство. Вера в бессмертие художника и его великого творчества есть вера в вечную душу. А что если мы не верим в это? Нас не спросят. Ведь уже слышны угрозы превратить нас из органического человека в неорганического.

А если мы забудем о смерти при жизни? Нам напомнят о трагикомическом финале и величайшей расплате, которая всех нас ждёт. Поэтому умирание будет сопровождаться законами, легитимизацией, которых мы не хотим, как не хотим и того Колизея, в который нас бросают без нашего согласия.

В одном похоронном бюро в штате Нью-Йорк придумали и внедрили "замечательный" метод переработки человеческих останков под сказочным названием "Термация". Компания превращает трупы в компост и предлагает полученную субстанцию для дальнейшего использования по целевому назначению. Сейчас этим занимается американское похоронное бюро Return Home ("Возвращение домой"). Вот что по этому поводу писала Елена Кондратьева-Салгеро: "Похоронная контора, зовущая человечество вернуться туда, откуда вышло, на самом деле одним махом открывает новую эру в его истории и разрушает гордое узел философско-религиозного сознания. "Вернуться домой" человечеству предлагается не в беззачетном гробу с кистями и фанфарами, а в специально оборудованных контейнерах в виде компоста".

Так что же хочет, чтобы мы были навозом при жизни и после смерти? Все те, кто работает над разложением искусства".

Материал подготовила
Радойка ТМУШИЧ-СТЕПАНОВ

«Машенька». 1956 г.

РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ

Столетие Бориса Неменского

По русским обычаям,
только пожарища
На русской земле раскидае позади,
На наших глазах умирали товарищи.
По-русски рубаху рвануе на груди.

Константин Симонов
"Ты помнишь, Алёша..."

СЕЙЧАС ЭПОХА подменённых смыслов, долгоиграющий постмодерн с ухмылками да намёками. Зовётся красиво: "Метагипотеза". То ли дивимся, то ли издеваемся. То ли ржём, то ли хрюкаем. Всё переименовывается и вышучивается. Карнавализация сущего, о которой писал Михаил Бактин — это и есть наша жизнь.

Не избежал сей участи и старинный русский термин "интеллигентия", введённый подзабытым писателем Петром Бобырькиным. Вещалось, что интеллигент — не только образованное существо, занятое умственным трудом, а homo sapiens, имеющий высокие нравственные и социокультурные ориентиры.

Нынче же интеллигент — ругательное слово. Почему-то всем видится бородатый вечно-малыш с псевдолиберальными воззрениями и набором штампов: Навальный — "нет войн!" — заграница нам поможет — "где мой лавандовый раф?" — скандинавский артхаус — коворкинг на электросмокамот. Мол, интеллигент — космополитичен, привередлив, оригинален, толерантен к секс-меньшинствам. На деле же это — не интеллигент, но оплошность природы, иной раз презанятая, а как правило — мерзак.

По-настоящему интеллигентный человек — всегда патриот, а его космополитизм касается знания иностранных языков, зарубежной классики, истории, философии. Это вбирание в себя того лучшего, что создали все народы, и никогда не моление на леблбы и пресловутые свободы бюргеров. Интеллигентность априори не сочетается с трусостью и желанием сберечь драгоценный зад в эпоху потрясений. Для меня примером интеллигента является художник Борис Михайлович Неменский, которому в декабре прошлого года исполнилось ровно 100 лет. При этом он бодр и наполнен идеями.

Фронтвики-ветеран, мыслитель, интеллектуал, наставник — все эти эпитеты применимы к Борису Михайловичу. Только что завершилась экспозиция его работ в музее на Поклонной горе, где были представлены все знаковые произведения, включая "Безымянную высоту" (другое название — "Это мы, Господи!"), вызывавшую споры. Показаны два мёртвых солдата: немецкий и русский, первый из коих — палач-агрессор, второй — воин-защитник, но оба соединены общей трагедией.

В Третьяковской галерее на Крымском валу сейчас проходит мини-выставка Бориса Неменского, действующая в рамках общего замысла "Искусство XX века". Устроители объясняют выбор картин следующим образом: эти вещи наиболее полно отражают художественную и нравственную позицию автора, вызывая преданность идеалам, затверженным ещё в ранней молодости.

Борис Неменский сформировался и вырос как мастер именно на фронте. Будучи девятнадцатилетним юношей, он оказался в самом пекле, как и все наши ребята — будь они интеллигенты или пацаны. Опасность и близость смерти часто подстёгивает жажду творчества — этот феномен породил многие шедевры мирового искусства: от прозы и поэзии до графики и живописи. Юный Неменский не стал исключением: его фронтовой альбом — великодушное свидетельство героических будней.

В одном из интервью Борис Михайлович вспоминал: "Мои работы показывали директору Студии военных художников имени М.Б. Грекова", — после чего Неменского назначили фронтовым художником. Такие были во все века: допустим, знаменитый баталист-выпескатель Василий Верещагин или Иван Айвазовский, несколько лет знавший живописцем Главного морского штаба. "Фронтовые годы я провёл не среди офицеров, а среди солдат. И их чувства и мысли мне оказались близки", — констатирует Неменский.

Неменский — искусник, волшебник света не только в переносном, но и в прямом смысле, и довольно часто его картины "подсвечены" изнутри. "Машенька" — это ещё и удивительная светопередача. Один из композиционных центров — яркая лампа. Ни одна репродукция не даёт эффекта — "Машеньку" надо видеть в оригинале, ибо кажется, что от холста исходит живое сияние. Признаться, это большой унынок, и не всякий мэтр способен явить завораживающую игру бликов и теней. Бывает, что красиво, жизненно, а не греет. Скромяная керосинка тут выглядит солнцем во мгле.

Вторая туттепелная картина — "Земля опалённая" (1957) — повествует о коротком отдышке меж сражениями. Автор сам очерчивает увиденное: "Земля искромсанная, превращённая почти в лунную поверхность, рассеянная насквозь зияющей раной окопа, уже потерявшая и небо, и покрывавшую её пашню... Лишь огоньки цигарок в руках солдат... Пядь родной земли... Замерло всё..." Мгновения языкой тишины и полубоиморочного безматерства. "Пожар стихал. Закат был сух. / Всю ночь, как будто, так и надо, / Уже не поража слух, / К нам долетала канонада", — писал Константин Симонов. Это в фильмах солдаты балагурят в окопах или же произносят патристические тексты, а война страшна ещё и тем, что не похожа на кинематографическую, литературные представления о ней. "Да, война не такая, какой мы писали её, / — Это горькая штука...", — обронил всё тот же Симонов.

В длительно-экстремальных условиях человек разучивается планировать даже на шаг вперёд и пребывает "здесь и сейчас". Это просто перекур, а не размышление о высоких (или же о низких) материях. И тут мы снова замечаем световую иллюзию — огонёк самокрутки так же реален, как если бы мы оказались рядом с тем окопом.

Наторморт "Память Смоленской земли" (1983) — что подтверждение сорокалетия Победы. Тогда было очень много разговоров, статей, фильмов и картин, посвящённых Великой Отечественной. Здесь Неменский обращается к символизму и коллективной биографии, не показывая ни людей, ни рвы, ни боевую технику. Всё спрессовывается до предметности: пробитая каска и треснувший чулок. Ратный подвиг неизвестного героя и чудом уцелевшая крестьянская посуда. Сопроводительная табличка гласит, что Неменский вывез тот чулок из сожжённой дотла смоленской деревни. Трагическая память выражена кратко и лапидарно. Небольшая ни призрачной банальности вещь. Они словно высятся на пьедестале как монументы народной стойкости. Это знаки бытия и смерти, которые на войне сплетаются воедино.

Свое творческое кредо Борис Неменский формулирует с присущей ему любовью к жизни: "Вера в свой народ, в свою страну, в силу правды и силу света в человеческих отношениях, а значит, и в искусство жива во мне до сегодняшнего дня. Жива". Это и есть искомая, но такая редчайшая в наше время интеллигентность. Иначе и быть не может.

Галина ИВАНКИНА